

ГЕННАДИЙ РАЗУМОВ

О ЛЮБВИ

не говори,
о ней все сказано

Геннадий Александрович Разумов

О любви

Текст предоставлен правообладателем

О любви:

ISBN 978-0-359-73492-4

Аннотация

О любви написаны горы романов, стихов, пьес, научных исследований. И, если бы кто-то взялся собрать и сложить вместе все посвященные ей бумажные издания, то получился бы, если и не Эверест, но, наверняка, Эльбрус. Второе сравнение даже точнее первого, так как эту кавказскую горную вершину Господь Бог, использовав земную тектонику, сделал двойной, двуглавой. Поэтому можно считать, что высится она в качестве мужчины и женщины, олицетворяя гендерный дуализм мироздания.

Эта книга – еще один кирпичик, положенный в рукотворную гору рассказов о любви. Хочется надеяться, что и этот частный опыт может быть кому-то полезен.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Ей все возрасты покорны	12
Очарование	12
Разочарование	13
Время назад	19
Признание	27
Застойный период	33
Стагнация	33
Смольный	34
Он, она и чемодан	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Геннадий Разумов

О любви

не говори, о ней все сказано

© 2019 – Геннадий Разумов

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary

Agency Inc.

* * *

*Только чувству, словно кораблю,
долго оставаться на плаву,
прежде, чем узнать, что «я люблю», –
то же, что дышу или живу!*

В. Высоцкий

*Любовь не значит слиться телом,
душою слиться – это да!
Но, между делом, слиться телом
не помешает никогда.*

И. Губерман

Предисловие

Вечный двигатель

Дачное июньское утро светилось ярким веселым солнцем. За длинным столом на террасе я умучивал манную кашу, прилипавшую к небу и застревавшую между зубов.

– Не чавкай, ешь с закрытым ртом. Как я говорила? – учила меня сидевшая рядом мама, покачивая ногой в такт несшейся от соседей «приориты».

Танговые ритмы прервал громкий мальчишеский оклик:
– Генка, выходи гулять!

Это был мой соседский приятель Вольтик. Я вскочил со стула, и вместе со мной соскочил на пол бутерброд, скучавший от непоедания в моей левой руке.

– Спасибо, хоть не маслом вниз, – проворчала мама, – ладно уж. Давай, быстро подними и протри снизу салфеткой. И поскорее, а то он еще больше загрязнится.

– Он уже запачкался, чего ему еще загрязняться? – возмутился я, не испытывая большого желания исполнять мамино желание.

– Это не так, – стала объяснять мне студентка физфака, пару дней назад отвечавшая на экзаменационный билет про теорию массообмена.

Не дождавшись, когда я поспешу выполнить ее наставление, она непедagogично сама нагнулась, подняла с пола бутерброд и положила его на стол.

– Какой же ты все-таки у нас неловкий, – укорила она и, придвинув мне стакан молока, продолжила свои объяснения: – Чтобы ты знал, между всякими телами происходит так называемый конвективный перенос, это значит, что совсем малюсенькие частички одного тела переходят к другому. Поэтому чем дольше твой хлеб пролежит на полу, тем больше грязи на него перейдет. Понял?

Конечно, я ничего не понял, но, чтобы маму ублажить, спросил, проглотив зевоту:

– Какие такие частички?

Она подумала, огляделась, посмотрела на окна и показала пальцем на узкий луч света, пробивавшийся сквозь зазор в белых льняных занавесках.

– Видишь пылинки летают? – сказала она. – Вот также бегают, снуют туда-сюда и мелкие-мелкие частицы.

Так я впервые узнал, что есть на свете такая малюсенькая крошечка, именуемая молекулой. Из нее состоит слон и блоха, кит и муха, генерал-полковник и продавщица огурцов. Прошло немало времени, пока я, уже студент, узнал, что эта основа мироздания вовсе не самая маленькая, что есть частицы и поменьше.

В еще более поздние времена мои юные мозги настигло и другое важное откровение – наш далеко еще не познанный Микромир, так же бесконечен и неразгадан, как вся наша Вселенная. Поэтому цепочка: молекула – атом – протон – кварк – ... может продолжаться и продолжаться, никак не уступая в этом космическому ряду: планета – звезда – созвездие – галактика – ... Таким образом, додумался я, по математически микромир – это и есть «минус бесконечность». И на каждого из нас приходится столько же миллиардов разных микробов-бактерий, сколько одному человеку на земле светит звезд на ночном небе.

Впрочем, для чего я затеял такое громоздкое и невнятное Предисловие? Какое отношение к теме моей книги имеют все эти малышки – элементарные частицы, микроны, прото-

ны, эти почти незаметные точки?

А притом, что биологическая жизнь на нашей Земле именно и начинается из «ничего», из невидимого, из точки, микрочастицы, семени. Из крохотного зернышка вырастает колос, дающий нам хлеб насущный, из семечек произрастают подсолнухи и баобабы, луговые травы и огородные кабачки.

И люди, не уступая в этом огурцам и помидорам, а также слонам и зебрам, происходят из маленьких семян – ядрышек. Однако не пустых бесплодных, а наполненных, оплодотворенных. Кем? Тоже крохотульками, но только другими – непоседливыми живчиками-головастиками с тонкими суетливыми хвостиками.

Теперь – о главном. То животворное соединение женского с мужским не происходит без действия удивительного загадочного фантастического и прекрасного явления – любви. Это она притягивает друг к другу души, сердца, тела, соединяет их и создает новую жизнь.

Как же не верить в существование Творца, столь мудро, щедро, изыскано наделившего нас этим изумительным чувством? Разве может такой, как, например, я, обладатель двух десятков авторских свидетельств на изобретения, не отдать должное этому гениальному Божественному откровению, не восхититься великим промыслом Всевышнего?

Притяжение душ, притяжение тел, слияние судеб – это и есть тот самый физический процесс массопереноса, о кото-

ром мне когда-то поведала мама. Это он главный локомотив жизни, гарант ее непрерывности. ее бесконечности. Он соединяет две половины, переносит от тела к телу, от одной души к другой тепло, свет, любовь.

И еще один важный закон мне кажется всеобщим общемировым – рождение всего нового происходит в результате **взрыва**. Любовь вводит мужчину в женщину, доводит обоих до оргазма-взрыва, и вот «остановись мгновение» – сперматозоид находит свою половинку, сливается с ней, зарождает еще одну жизнь.

Не так же ли в результате Большого Взрыва возникла и вся наша Вселенная? Из крохотной точки, из капли, из элементарной частицы, из маленького Микромра произошел огромный Мир, образовался Космос. А на дежурный вопрос о том, что же было до Этого, хочется ответить: были тоже две Вселенные, одна – женская, другая – мужская. Они соединились, объединились, совокупились и, создали новую, нашу сегодняшнюю Вселенную.

А тот самый «вечный двигатель», который, начиная с XII века, одни ученые пытались изобрести, а другие считали выдумкой, на самом деле, существует в действительности. Имя ему – Любовь. Это и есть та великая созидательная энергия, выделенная Большим Взрывом, она движет звездами, планетами, кораблями и судьбами людей.

Однако не пора ли от этой моей доморощенной философии перейти к житейской конкретике – никакие абстракт-

ные рассуждения не могут быть более наглядны, чем частные случаи из повседневной жизни. Вот они.

Глава 1

Семнадцать рассказов о любви

Ей все возрасты покорны

Очарование

Они шли, оживленно беседуя, по аллее городского парка. У него была аккуратная седая бородка, длинный старомодный плащ и три ноги. Третьей служила сучковатая деревянная палка с большим овальным набалдашником. На него опиралась его левая рука, а правая сжимала ладонь спутницы, одетой в двубортный джерсовый костюм и широкополую шляпку с франтоватым красным цветком.

Быстрым шагом, придерживая сумку на длинном ремешке, к ним сзади приблизилась молодая женщина, стучавшая по асфальту тонкими высокими каблукками. Осторожно обойдя пожилых людей, она вдруг перед ними остановилась, обернулась, и ее лицо вспыхнуло широкой улыбкой.

– Ой, как же вы очаровательно смотрите, – воскликнула она. – Какие молодцы. Простите за нескромный вопрос, сколько лет вы вместе?

Он скосил взгляд на ее пышный бюст и глубокий вырез блузки, намекавший на отсутствие лифчика. Потом задумчиво сдвинул к носу развесистые щетки седых бровей и, помолчав немного, ответил:

– Сколько, сколько... так долго, что я и не помню сколько.

А его спутница зажгла глаза-фонарики, растянула губы в кокетливой улыбке и нарочито капризным голосом проворчала:

– Ну, как же ты не помнишь, забыл, что уже полтора года прошло, как мы золотую свадьбу открутили.

Проходящая еще больше разулыбалась и в восторженном жесте подняла вверх большие пальцы обеих рук.

– Вот здорово, вот молодцы, – воскликнула она. – Дай вам бог доброго здоровья и успехов во всем еще на долгие лета.

Она послала воздушный поцелуй и, помахав рукой, убежала.

А старики перебросились веселыми взглядами, крепко прижались друг к другу и, подождав пока проходящая скроется за деревьями, громко и радостно засмеялись.

Чему? А тому, что были счастливы. Хотя и познакомились совсем недавно – на танцевальном вечере в клубе «Тех, кому 50+». Впрочем, какая разница где? Существенно то, что каждому из них было далеко за 70, причем, с бо-о-льшим плюсом.

Разочарование

Самолёт пропорол облака, и в иллюминаторе появилась земля. Незнакомая и долгожданная, трудная и многообещающая.

Среди встречавших мелькнули родные лица. Как повзрос-

лела дочь, как зять раздался вширь, заматерел. А это еще кто? Неужели тот годовалый малыш, внук, заснувший тогда у него на руках в Шереметьеве?

Объятия, поцелуи, слезы на глазах.

Но что-то было не так. Он огляделся, пристально посмотрел на дочь.

– Где же мать? – спросил с тревогой. – Почему не приехала, что с ней, заболела? Или просто опаздывает?

Дочь отвела глаза в сторону, стала изучать вывеску на стене. – Странно, что твой самолет запоздал, – сказала она, – вроде бы, и погода здесь нормальная. Наверно, это у вас там вылет не давали.

– Нет, ты скажи, что случилось, – снова, пытаясь унять волнение, спросил он дрожащим голосом, – Что-то ты такое от меня скрываешь, а?

Дочка снова помолчала, потом взглянула на опрокинутое лицо отца и неохотно ответила, цедя слова сквозь зубы:

– А что мама? Она в порядке, у нее все вокруг хорошо. Встречать тебя не приехала, так как теперь она очень занята.

Сердце екнуло, больно защемило. Вот оно что, вот почему так давно от нее не было писем, вот почему она не отвечала на его телефонные звонки.

А чего он, собственно, хотел? Шесть лет тянул резину, не ехал, сомневался, колебался. Вот она его и не дождалась, нашла другого. Так ему и надо, размазне, недотепе, неудачнику.

Теперь он остался один, одинокий, несчастный, жалкий. В новом незнакомом мире, где все было другим: хлеб и помидоры, соль и сахар. Даже осколок луны висел не тем боком, и Большая медведица смотрела не с той стороны.

А все-таки жизнь продолжалась.

Однажды, когда он вышел из подъезда своего дома, к нему подошла соседка, с которой до этого он просто раскланивался.

– У меня для вас интересное предложение, – сказала она. – Не хотели бы вы съездить на море, на экскурсию? Есть лишнее место, мое. Не получается мне поехать, хотя я и деньги уже сдала.

Оказывается, именно в эти дни мне надо у сына с внучкой сидеть.

Она вопросительно смотрела на него, а он ничего не отвечал, по своему обыкновению колеблясь и сомневаясь.

– Да вы можете не спешить с ответом, у вас еще есть время, эта поездка будет только через полтора месяца.

Потом она игриво улыбнулась и добавила:

– Кстати, я должна была ехать с подругой. Очень милая женщина. Вы с ней можете познакомиться, мой билет у нее. Я и телефончик дам.

«А действительно, почему бы не поехать?» – подумал он и записал номер.

На следующий день позвонил и услышал приятный женский голос.

Да, приятельница говорила о нем. Да, она отдала ей свой билет, вот он лежит под стеклом на письменном столе. Когда его можно получить? В любое время. Куда за ним заехать? Ой, к сожалению, это не так просто – она живет у сына, далеко, автобусом не добраться. Впрочем, если он хочет, она может его отправить по почте, на следующий день, наверно, и придет.

Что-то в голосе этой женщины было доверительное, теплое, располагавшее к беседе. Не хотелось класть трубку на рычаг и отключаться.

Они разговорились. Он рассказал о себе, пожаловался на неустроенность и одиночество. Она в свою очередь рассказала о себе – в той жизни, как и он, работала конструктором в почтовом ящике. Увы, жизнь с мужем не сладилась, разошлись. Так часто бывает: если в той жизни уже была трещина, то в новой сосуд совсем лопается.

На следующий день он позвонил ей снова, через день еще, потом стал звонить каждый вечер. Ровно в 10 часов он набирал ее номер, она тут же оказывалась у телефона, и было понятно, что ждет его звонка.

Они говорили обо всем – о наводнении в Бангладеше, о теракте в Египте, о концерте Мадонны. И не могли оторваться друг от друга, говорили, говорили. Незаметно перешли на «ты».

Они рассказывали друг другу, как провели день, что делали, куда ходили. Если он где-то задерживался, то начинал

нервничать и торопиться, чтобы успеть во время ей позвонить. С утра он думал, что скажет ей вечером, о чем спросит, о чем расскажет, и не мог заснуть, не пожелав ей спокойной ночи.

Однажды он застрял в дороге, когда ехал домой, и позвонил позже обычного.

– Что случилось? Куда ты пропал? – спросила она взволнованно. – Я так беспокоилась, не знала, что делать, где тебя искать.

В другой раз, наоборот, ее телефон не отвечал. Она не подняла трубку ни в 10, ни в 11, ни в 12. Полночи он не находил себе места, не спал, волновался, ревновал. А оказалось, что она ездила к заболевшей сестре, долго ждала автобуса и приехала домой в час ночи. И очень переживала, что не могла сама ему позвонить и сообщить об этом.

Думали ли они о встрече? Ну, конечно. Несколько раз о ней договаривались, но каждый раз что-то мешало. То у нее разбалчивалась голова, и она не решалась выйти из дома, то ему неожиданно приходилось ехать по каким-то неотложным дочкиным делам. И они все переносили и переносили свое свидание. Пока до их совместной поездки не осталось несколько дней. Какой уж теперь был смысл специально встречаться?

И вот пришло это утро. Он рано встал, тщательно побрился, одел свой лучший выходной костюм, белую сорочку, галстук, причесал остатки волос. И, глядя на себя в зеркало, с

волнением думал, как она воспримет его лысо-седую голову и сутуло-горбатую спину.

Приехал задолго до назначенного срока.

Никого еще не было. Он постоял немного у дома, куда должен был прийти автобус, потом пошел бродить по ближайшим переулкам, еще и еще раз продумывая детали предстоящей встречи.

Накануне они подробно о ней говорили.

– А ты уверен, что мы узнаем друг друга? – спросила она с шутинкой в голосе.

– О, я узнаю тебя сразу же, не сомневайся, – ответил он, улыбаясь. – Даже если там будет тысяча женщин. Мне кажется, мы знакомы десятки лет.

– Вот это ответ настоящего мужчины, – усмехнулась она, – И все-таки, давай договоримся. Я буду, пожалуй, в бежевом брючном костюме. И еще возьму серую спортивную сумку, повешу через плечо. А ты?

– Я? – Он задумался. – Даже не знаю. Ну, хорошо. Пусть у меня будет черная дорожная сумка и, давай-ка, я возьму в руки газету.

Он посмотрел на часы – оставалось 19 минут до их встречи – и заторопился назад к месту прихода автобуса.

Еще издали он увидел небольшую группу людей, толпившихся у большого туристического автобуса и громко разговаривающих.

...То, что это была она, он понял сразу. По тому самому

бежевому костюму, о котором она говорила.

Но это, конечно, была не она.

У входа в автобус стояла пожилая седая женщина с бесформенной сутулой фигурой и крупными чертами морщинистого лица с густо и неловко наложенной косметикой. Она тоже его заметила и сначала порывисто к нему бросилась. Но, сделав несколько шагов, неожиданно остановилась.

Они встретились глазами и замерли в смятении и нерешительности. Прошла минута, другая, они стояли неподвижно, не делая ни шага друг к другу. Яркие искры радости в ее взгляде постепенно погасли и сменились тусклыми лучами разочарования, сожаления, печали.

Он потоптался на месте, переложил газету из одной руки в другую. Потом вообще сложил ее вчетверо и сунул в боковой карман пиджака. Помедлив еще немного и, может быть, сам того не ожидая, он вдруг круто повернулся и торопливым шагом пошел назад, к автобусной остановке. К своей неустроенности, к своему одиночеству.

Ни в какую экскурсию он не поехал.

Время назад

Можно часы подкрутить назад, и стрелки передвинуть в день вчерашний. Но время вспять не заставишь идти. И не вернуть те веселые кучевые облака, которые тогда еще не стали мрачными сизыми тучами, раскатами грома сердце

не стучало, и густой туман не опутывал мозги тревожными мыслями. В те времена еще не случалось просыпаться ночью в холодном поту и страдать от судороги в левой ноге.

Тогда они были счастливы. Легко и свободно летели рядом друг с другом по своей пенсионной жизни. И не ровным строем за вожаком к какой-то цели, как летят большие птицы, журавли, пеликаны, а, как голубь с голубкой, как воробей с воробьиной они беззаботно порхали туда-сюда, сюда-туда. Сегодня на сонаты Брамса и прелюды Шопена, завтра на йогу и в бассейн на плавание, в субботу в ресторан на юбилей двоюродной сестры.

Они любили друг друга. Хотя жили под разными крышами, но просыпались под одним потолком. А, главное, нигде не спешили. Ему не надо было бежать на службу, чтобы не схлопотать втык от начальника за опоздание. Ей не надо было торопиться в свою школу на работу, а потом на кухню чистить к супу картошку и нарезать к мясу репчатый лук. А если когда-либо у нее и щипало что-то в глазах, то лишь от этого самого лука.

Они гуляли по дорожкам парка, взявшись за руки, и ее острые ноготки шаловливо покалывали его ладонь. Встречные прохожие оглядывались на них с веселой доброй улыбкой. Им хорошо было быть вместе – легко, интересно, приятно. Если они и отрывались друг от друга, то лишь для того, чтобы удивиться бабочке-шоколаднице на ракитовом кусте, глазастой стрекозе с прозрачными крылышками, ярко-крас-

ной бугенвилли, красиво раскинувшейся на зеленом штaketнике забора. Или чтобы восхититься изысканностью ампиpного фасада оперного театра и роскошеством припаркованного возле него черно-лакового мерседеса.

Тогда она еще не ошибалась в днях недели, не забывала принимать вовремя лекарства, не путала российские 17 с американскими 7 рм и не ждала его поэтому два часа на автобусной остановке, спрятав от холода нос в сером воротнике своего осеннего пальто. И всегда могла сказать, какое сегодня число, месяц и год.

Он повел ее к знакомому доктору.

– Да, потеря чувства времени – признак начальной стадии этой болезни, – сказал тот, отведя его в сторону. – Ничем помочь, увы, не могу, следует только надеяться на мои таблетки, может быть, они приостановят процесс... Может быть...

Однако неприятные симптомы злосчастного недуга не прекращали своих непрошенных визитов. Особенно досаждали постоянные поиски разных нужных вещей, почему-то вдруг исчезающих. Чаще всего это доставалось ключам от квартиры, которые каждый раз где-то пропадали – то в многочисленных отделениях ее сумок, то в карманах курток, платьев, кофточек. Хотя после долгих поисков чаще всего оказывалось, что они никуда не девались, а висели на своем гвоздике в коридоре, где их предательски скрывала старая широкополая шляпа.

А пару раз, уходя из дома, она забывала выключить газо-

вую плиту, где большие куски трески на сковородке перевоплощались в маленькие черные угли, тюлевые занавески на окнах чудом увертывались от огня, и в квартире долго еще гостило тошнотворное амбре горелой рыбы.

Со временем провалы памяти участились, и она начала забывать имена даже знакомых людей. «Мы встретились с той дамой на улице, поболтали немного», говорила она о Еве, своей бывшей сослуживице. Или, виновато улыбнувшись, сообщала: «Никак не могла открыть ключом дверь, один человек подошел ко мне и помог». А ведь то был Артур, ее многолетний сосед по лестничной клетке.

Вот так вокруг нее все чаще, все больше, все необратимее стали появляться эти странные дыры, ямы, неосязаемые пустоты, серые пятна, грозившие постепенно слиться в одну сплошную непроницаемую черную стену.

И все-таки, несмотря ни на что, они продолжали радоваться своей прежней плотно скроенной жизни, наслаждались летним пляжным песком и зимней лесной лыжной, ресторанным жульеном в тарталетках и стаканом кефира с ложкой меда перед сном. Радовались, наслаждались. Пока...

Пока не случилось то грозное событие.

Провожать старый и встречать новый год они решили у него дома. Он купил шампанское, салями, торт, заправил салат майонезом, пожарил котлеты по-киевски, накрыл стол. К 8 часам она обещала прийти. Но вот часы уже показали 8:20, потом 8:40, а ее все не было. Он начал волноваться и звонить

ей по телефону, но тот глухо молчал. Мобильный тоже не откликнулся, хотя это как раз можно было понять – она часто, уходя из дома, забывала его с собой взять, а если и брала, то так глубоко засовывала в сумку, что звонка и не слышала.

Тревога не отпускала. Что случилось, не беда ли какая? Длинные, тягучие, низкие гудки... Может, она принимает душ в ванной комнате или гремит кастрюлями на кухне и не слышит звонка, ведь так не раз уже бывало. Он снова и снова набирал ее номер. А, возможно, что-то произошло на линии – перепутались где-то провода или оборвались, и теперь там, на одном из них, на волоске висит их счастье, любовь.

Он не выдержал и позвонил в полицию. Дежурный принял вызов и обещал все выяснить. Через полчаса сообщил:

– На ваш запрос, получен ответ – ни в районные отделения полиции, ни в больницы города и морги женщина с такими данными не поступала. Так что ничем помочь не могу.

Что делать, что делать? Наверно, надо ехать. Он торопливо спустился в гараж, сел в машину и через десять минут припарковался у ее дома. Поднялся на 3-ий этаж, открыл квартиру своим ключом. Навстречу выбежал Гас, он не залаял и не бросился целоваться, как обычно, а только завилял хвостом, забил им по полу. Что это, неужели собака что-то почувствовала? Он заглянул во все комнаты, в чулан, на балкон, на кухню, в ванную – нигде никого, всюду пусто.

Присел в коридоре на табуретку – вдруг заломил затылок, так некстати поднялось давление. И сразу схватило сердце,

отдалось болью в левом плече, появилась одышка. Надо было срочно принять лекарство, кажется, в бардачке машины лежали таблетки. Немного отдышавшись, он встал, направился к выходу, но тут Гас требовательно, настойчиво залаял и подбежал.

– Ну, что еще за приставания, не до тебя сейчас, – он решительно отодвинул собаку от двери. Но та, сменив тактику, жалобно заскулила и стала ласково тереться об его ногу. Пришлось уступить. Он снял с крючка на стене поводок и ошейник.

– Ладно, ладно, не клянчь.

Они вышли на лестничную клетку, спустились в лифте на первый этаж, сели в машину.

Совсем уже стемнело, во многих домах светились окна, из них сыпались наружу аккорды гитар и синтезаторов, слышались громкие голоса, ритмы свинга, румбы, вальса. Он вел машину по близлежащим к ее дому уже пустынным в это время улицам, внимательно смотрел по сторонам, пристально вглядывался в скверы, палисадники, газоны.

Несколько раз останавливался, заходил в переулки, подолгу рассматривал уличные тупики, закоулки, благо, оставленный на заднем сидении Гас не вякал и терпеливо его ждал. Они объехали всю округу, проколесили вдоль и поперек множество улиц, иногда по нескольку раз проезжая одни и те же места.

Ее нигде не было.

Прошло минут сорок, и он уже собирался поворачивать назад, как вдруг Гас громко подал голос, завертелся, запрыгал. Вот когда пришлось себе признаться, что не зря взял с собой собаку. Он быстро затормозил, остановил машину и открыл заднюю дверку. Пес тут же выпрыгнул наружу и стремглав бросился назад к какой-то дальней скамейке, стоявшей у калитки одного из небольших частных домов.

Она сидела, склонив к плечу голову, и, кажется, спала, но услышав визг своего любимца, тут же вскочила, огляделась и, широко улыбаясь, пошла к ним навстречу.

– Ой, как я рада вас встретить, – запричитала она, одной рукой подхватив прыгнувшего к ней Гаса, а другой обняв своего друга за шею. – Ты уж меня извини, как-то глупо получилось – я же вышла к тебе пораньше и вдруг подумала, дай немного пройдуся, пошла, пошла и, видно, заблудилась. Ну, никак не могла найти обратную дорогу – ни улиц, ни домов не узнавала. Устала очень, вот присела на минутку и, кажется, задремала.

Они нежно обнялись, сели в машину и поехали домой, где пили шампанское, ели песочный торт с шоколадным кремом, и Гасу достались вкусные куски сочных киевских котлет.

«Как же хорошо то, что хорошо кончается, – думал он, – пусть, как говорит поговорка, Боже нас пугает, но пусть он нас не наказывает».

Через неделю они опять пошли к врачу. После обследо-

ния и проведения тестов тот сказал ему тихо:

– Вы знаете, к моему приятному удивлению все не так уж плохо, показатели довольно стабильны, во всяком случае, никаких признаков распада личности, какие обычно бывают, я пока не вижу.

«Вот здорово!» – его прежде тревожное лицо засветилось радостью, щеки покрылись румянцем, в глазах загорелись огоньки.

– Ой, спасибо, большое спасибо, – он облегченно вздохнул, улыбнулся, достал платок из бокового кармана, вытер пот со лба, но вдруг на мгновение замер и спросил, с озабоченностью заглядывая доктору в глаза: – А сколько еще времени вы нам даете?

– Трудно сказать, точно сказать не могу, не знаю – доктор задумался, помолчал, поморщил лоб: – будем надеяться, годика два, может быть, даже с каким-то хвостиком.

...И вот прошли те два докторских года, завилаял за ними обещанный игривый хвостик. Пришлось его поймать, подцепить, схватить за кончик, потянуть и выпрямить. Хвостик медленно, но уверенно стал расти, удлиняться – сначала до трех, потом до четырех, а затем и до пяти лет. Неужели, действительно, свершилось чудо, и время пошло вспять, неужели этот коварный Альцгеймер оказался посрамленным, неужели он притормозился, отодвинулся, остановился? Но как, благодаря чему?

Ну, конечно, благодаря его любви. Это она, напрягая все

свои бицепсы-трицепсы, потащила за собой тот временной хвостик – ту тяжелую железную стрелку громоздких неподатливых часов. И они поддались, пошли назад. Внутри них шарики-ролики, колесиики-шестеренки закрутились, завертелись, напевая вечную (хотя ведь такую банальную) песенку о преданности и верности, сострадании и сопереживании, о любви и дружбе.

Признание

Прошло около месяца, как они расстались. Но ему казалось, что они не виделись целый век, хотя он видел ее каждый день. Утром или вечером, на спальной подушке или за чашкой кофе перед ним вдруг возникали ее глаза, такие милые, такие светящиеся, такие искрящиеся – чудо. Он готов был часами на них смотреть, в них нырять и погружаться всем своим существом.

Он видел, как легким взмахом своих тонких пальчиков она отодвигает в сторону воздушный локон светлых волос, каждый раз падающих ей на лоб. А как волновала его ее загадочная улыбка, ее ломкие блестящие губы, живущие своей отдельной жизнью от всего остального. И щечки с гладкой матовой кожей, подернутой слабым нежным румянцем.

Но почему же он, такой невнимательный, не разглядел раньше цвет ее глаз и теперь не знал, какие они – карие, голубые, зеленые? А ведь они были первые, которые его в ней

покорили. Почему не помнил он и цвет ее волос, знал только, что они светлые, как у всех блондинок, но ведь у светлого столько разных оттенков. И спроси его, в какой кофточке она была в тот или иной день, какой жакет носила, какая цепочка с кулоном висела на ее тонкой лебединой шее, он, конечно, не мог бы сказать. Наверно, это потому, что по мужскому обыкновению он воспринимал ее целиком, всю, сразу и не различал отдельных деталей. Его внимание больше привлекали движения ее рук, губ, глаз, поворот головы, пожатие плеч. А больше всего он наслаждался звучанием ее голоса, глубокого, идущего откуда-то изнутри, из сердца.

Нет, вообще-то, она не была красавицей, какие манят нас со страниц глянцевого журналов и рекламных клипов, ей не была дана та неземная божественная красота, которая воспета Петраркой и Бодлером, Есениным и Щипачевым. Нет, она не была красива, она была – **прекрасна**. Он любовался ею, восторгался, не мог оторвать от нее взгляд. Ему нравилось, как она говорит, ходит, пьет чай, откусывает печенье, как одевает очки для чтения. И особенно он был без ума от ее улыбки. Она возносила его на небеса, и он долго там висел, ослепленный ею и совершенно счастливый.

И разве мог он забыть тот невинный детский поцелуй в щеку, которым она вдруг одарила его в своей машине. Он потом много раз гладил это место на щеке и целовал пальцы, которые его касались. А еще навек запечатлелось в нем то случайное нечаянное касание их рук под столом в ресторане,

когда он вдруг почувствовал небывалую фантастическую искру (или огонек пламени), которая на мгновение пробежала между ними. Как же это было здорово, как восхитительно, как изумительно!

А ведь она даже не была в его вкусе. Он всегда носил под ребром у сердца портрет своей мамы, и ему нравились лишь похожие на нее маленькие черноглазки-брюнетки. А она была совсем другая – тонкая, стройная, высокая.

Почему он так сильно на нее запал, что за сила, какой магнит потянул его к ней? Вряд ли он мог ответить на этот вопрос. И почему случилось все не сразу, не вдруг, не с первого взгляда, как бывает в жизни и как пишут в романах. Довольно долгое время они встречались по делам, говорили о просроченных платежах, о неподписанных актах и счетах. Тот древнегреческий мальчишка Амур подкрались как-то незаметно и без всякого предупреждения неожиданно пальнул в него стрелой из своего золотого лука.

То была воздушная подростковая влюбленность, в ней не было ни капли секса, пошлости, грубости. И он, поимевший за свой долгий век немало разных женщин, боялся хотя бы намекнуть ей о постели. Хотя... Нет, однажды ему все же пришла в голову мысль склонить ее к близости, он даже сделал попытку выпить с ней на брудершафт, чтобы иметь повод поцеловаться. Но она, по-видимому, сразу же раскусила его затею и резко ее отвергла. Наверно, она была права – не стоило спускать их чувства с неба на землю.

Но почему же они расстались, почему порвалась та тонкая шелковая нить их романтических отношений, та нежная связь, оказавшаяся столь хрупкой, недолговечной?

Казалось бы, на этот вопрос можно ответить просто и однозначно – в действительности, у них не было будущего. Они должны были это знать с самого начала, с первых минут, но он ничего с собой не мог поделать – чувства были сильнее всякого здравого смысла и противились любым доводам разума. Но те были сильнее, и, увы, победили. Почему?

Объяснение, прозрачное, как оконное стекло, вроде бы, лежало на поверхности – их совместному будущему, конечно, не могла не помешать слишком большая разница в возрасте – тридцать с лишним лет. Немало.

Однако, на самом деле, этот возрастной провал им почти не ощущался, иногда ему даже казалось, что она взрослее и мудрее его. Многие ее суждения о жизни, быте, взаимоотношении детей и родителей были куда более зрелыми и разумными, чем его. Она трезво оценивала профессиональные способности жениха своей дочери, здраво судила о возможностях покупки дома его дочкой, давала ему ценные советы по страховке машины.

Ее тоже, чувствовал он, вовсе не напрягал контраст их возрастов – было видно, что ей с ним интересно. Во всяком случае, она с неизменным вниманием слушала его байки о прошлом, о встречах с Б. Окуджавой и В. Войновичем, о технике земной коры и даже о способах засола осенних огур-

цов и помидорах «early girls» на его огороде.

У них, вообще, было много общих интересов, одно из главных – увлечение поездками в разные концы света. Он побывал в Чикаго, Сиэтле и Бразилии, она – в Майами, Денвере и Японии. Они рассказывали друг другу об этих вояжах, делились планами следующих путешествий, советовались друг с другом, как лучше их организовать. Не меньше обсуждали они и свои такие схожие домашние проблемы, заботы о детях и внуках, о болезни ее мамы и неустроенности его внука.

Думал ли он усерьезнить их отношения? И не раз. А однажды...

Она помогала ему составить план летней поездки на море. Они включили компьютер, влезли в интернет и стали выбирать отель поближе к пляжу и перелет без промежуточных посадок. Вдруг он неожиданно для самого себя предложил:

– А, может быть, поедем вместе?

Она вздрогнула, стянула брови к носу, прорезала на лбу морщинку. Ее долгий взгляд погрузился в разводы желтой краски на стене, потом она взяла тряпку и неторопливо стала стряхивать крошки со стола, где они только что пили чай с кексом. Он, волнуясь и покраснев, как мальчик, с надеждой и тревогой вглядывался в ее лицо.

– Что же мне тогда надо с Володей разводиться? – она задумчиво в неопределенном направлении покачала головой, потом, еще минуту помолчав, встала со стула, повернулась к

нему и твердым голосом сказала: – Нет, не получится.

Больше к этому вопросу он не возвращался.

Ученые считают, что для сохранения психического здоровья, каждые 7 лет человек должен менять или место жительства, или вид работы, или... партнера своей судьбы. Еще лучше все вместе. Но как же трудно это сделать в 50 лет и, тем более, в 85. Каким героем, смельчаком или легкомысленным недоумком надо было бы быть, чтобы вот так сразу, наобум, вдруг, порвать со всем своим прошлым и начать жизнь заново. А он не был ни героем, ни храбрецом, ни беспечным ветрогоном.

Так что, не разница в возрасте их разлучила. А сам возраст. На старости, как в молодости, все также хочется, но уже не может.

Он сидел у телефона и долго смотрел на кнопки набора номера. Его пальцы то нерешительно касались их, то стыдливо прятались в ладонях. Он ссутулился, сник, увял, за грудиной что-то больно сжималось. А в голове скреблись когтистые мысли-кошки, назойливые, приставучие, грустные.

Не придумал ли он себе все это, не вообразил ли? Не от своего ли одиночества, от своей неустроенности он к ней так сильно потянулся? А она просто-напросто его пожалела и откликнулась лишь потому, что он напоминал ей отца, уже ушедшего из жизни.

А, на самом деле, ничего между ними и не было. А, может, было?

Застойный период

Стагнация

Раньше все было иначе. Придешь с работы домой, а жена, минуту назад замарашкой, стоявшая у кухонной плиты, вдруг нырнет в зеркало, пошерудит там чего-то и выйдет оттуда прекрасной венерой из пены морской. Щечки, губки – античные коринфы, платье – барокко, прическа – рококо, а глазки светятся так, что бра тускнеет на стене.

Прошли годы, и вот теперь она выходит к тебе в замызганном халате, на лице белый мел и черный грифель под глазами. Несет тебе вчерашнюю котлету с позавчерашней гречкой, жалуется, что Сенька опять двойку получил, что свет в ванной перегорел и стиральная машина не фурычит.

И придется, как всегда, проверять арифметику у потомка, глядящего в потолок, лезть на табуретку лампочки вкручивать, возиться со шлангом у стиралки. А тут уж и спать пора. В туалет сходишь, зубы почистишь и, скинув шлепанцы, усталый повалишься на кровать, бывшую когда-то семейным сексодромом.

Жена тоже лениво сюда вскарабкается, угнездится рядом, по привычке ночнушку с коленок сдернет, и ты без особого энтузиазма спросишь: «Ну, что, будем?» Она посмотрит

на тебя сонным взглядом и также безразлично ответит: «Ну, давай». И ты начнешь старательно трудиться, одновременно прислушиваясь к котлете в животе, вдруг вздумавшей затеять громогласное бурление. А она запрокинет назад голову, примет затылком подушку, плотно закроет глаза и задышит глубже, реже, ровнее.

Продолжая усердствовать и на мгновение отвлекшись от котлетной бормотухи, ты подумаешь, что надо бы и супруге уделить внимание. Посмотришь на нее, прислушаешься – и (о, какой прикол!) тут же остановишься, замрешь, увянешь.

Что такое, что случилось?

А ничего особенного – просто она заснула...

СМОЛЬНЫЙ

Они встречались в той съемной однокочной комнатенке не так уж часто – тогда, когда удавалось перехватить ключ у таких же, как они, узников запретной свободной любви. Но однажды (такая удача) им прифортило вместе поехать в командировку в Ленинград. Вот уж когда они оторвались по полной, страсть бушевала целую неделю, и главное – где (!).

В знаменитом здании Смольного, который в 17-м году служил штабом для большевиков, а до революции был «Институтом благородных девиц». В хрущевские времена там находилось ведомственное общежитие для приезжих, и в святых стенах, слышавших когда-то шуршание бальных ту-

фелек, топот солдатских сапог и картавый говор Ленина, наши любовники в штормовом экстазе бесстыдно скрипели видавшей виды пружинной сеткой узкой односпальной казенной койки.

...Но, увы, даже выкипающее от стоградусной температуры молоко в кастрюле остывает со временем. А уж любовь...

После той жаркой ленинградской командировки что-то в их бурной страсти перегорело, казавшаяся раньше такой крепкой связь как-то сама собой ослабла, пошла на убыль, потускнела, завяла, а потом и совсем прервалась.

Через пару лет они случайно встретились на улице. Зашли в ближайшую кафешку, посидели, поцедили чай из бумажных стаканчиков, погрызли присоленных орешков, помолчали, погрустили и снова ощутили печальную ненужность друг другу. Не говоря лишних слов, они поднялись из-за стола и пошли к выходу. У дверей прощально коснулись плечами, потом она тронула сухими губами его щеку и, опустив низко голову, ушла в темноту вечера.

Ничего не поделаешь. Большая страсть – это редкий счастливый случай, а он, как звезда эстрады, не любит выходить на бис по нескольку раз.

Он, она и чемодан

Они познакомились в московском Доме ученых, где он читал лекцию по археологии Дагестана, а она водила дочку

в детскую секцию рисования. Весна скатывалась к лету, и он так же, как в прошлые годы, собрался ехать в экспедицию на Каспийское море. Там был пляж, солнце, мандарины, арбузы, мушмула. Договорились, что она тоже к нему приедет.

И вот настал этот день. Он заранее прибыл в аэропорт и примостился к двери таможенного контроля ждать с букетом цветов ее выхода. Наконец, она появилась, красивая, длинноногая, в коротком платье до колен, в золотистых туфлях на высоких каблуках. О, как она была долгожданна, как желанна. После крепких объятий и нежных поцелуев он подцепил пальцами ее большой четырехколесный чемодан и повел к машине.

Возле помятого потертого уазика веселая улыбка исчезла с ее лица, она удивленно скосила на него глаза, но ничего не сказала. Помедлив немного и брезгливо поморщившись, она смахнула ладонью пыль с сиденья и, опершись на его плечо, вскарабкалась на подножку. Всю дорогу молчала, а он без перерыва рассказывал ей о своих раскопках в хвостовой части дербентской крепости Нарын-кале.

Возле палатки-брезентухи образца 60-х годов глаза ее совсем погасли, она остановилась в нерешительности и снова недоуменно на него посмотрела. Потом глубоко вздохнула и, нагнув голову, вошла внутрь вслед за своим чемоданом, сразу заполнившим все помещение, где стояли две односпальные кровати, и канцелярский стол, заваленный бумагами, картами и осколками черно-лаковых арабских кув-

шинов. Она присела на край единственного в палатке стула и спросила, пытаясь улыбнуться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.